

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕ-РУССКОМ ЯЗЫКЕ

З.К. Сабитова

Алматы, Казахстан

Summary: The article investigates indefinite-personal sentences of the Old Russian language as the main method of representing of the objective, indefinite-personal situation and also as the method of subjective interpretation of extralinguistic situations.

1. Неопределенно-личные предложения в синтаксической науке

Синтаксической природе неопределенно-личных предложений современного русского языка посвящено немало работ. Поскольку в синтаксической науке наметился поворот от традиционного морфологизированного понимания структуры предложения к семантическому ее осмыслению, это коснулось и проблемы неопределенно-личных предложений. Изучение неопределенно-личных предложений, представляющих собой одну из ярких особенностей синтаксического строя русского языка, предполагает рассмотрение взаимодействия в их структуре лексического и грамматического значений, а также способов отражения в этих конструкциях объективных ситуаций.

Существенным для определения особенностей выражения различных объективных «неопределенных» ситуаций представляется анализ типов референции субъекта неопределенно-личного предложения, что было убедительно продемонстрировано Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелевым [Булыгина, Шмелев 1990]. Они установили, что референциальные возможности нулевой лексемы $\emptyset_{зр}$ неопределенно-личного предложения весьма разнообразны: родовая, индивидуальная, неопределенная и дистрибутивная референция.

К неопределенно-личным предложениям древнерусского языка обращались немногие исследователи, в специальных трудах их рассматривали В.И.Борковский [Борковский 1949; 1965], Е.С.Истрина [Истрина 1923: 44-45], Е.А.Седельников [Седельников 1990]. Неопределенно-личные предложения древнерусского языка анализировались с точки зрения способов выражения сказуемого, его лексико-грамматических характеристик, отчасти семантических особенностей субъекта действия, степени употребительности тех или иных типов неопределенно-личных предложений в памятниках различных жанров. Однако описание особенностей выражения в этих предложениях значения неопределенности и типов референции их субъекта целью не ставилось.

Считается, что опущение одушевленного подлежащего в предложении с глаголом в форме единственного числа не меняет его структуры, удаление же неодушевленного подлежащего может привести к структурным изменениям, что благоприятствует «обезличиванию структуры» предло-

жения [Гиро-Вебер 1984: 553]. Совершенно очевидны различия в смысле современных предложений (1) *Улицу засыпали песком* и (2) *Улицу засыпало песком*. В первом предложении засыпание улицы осуществили, безусловно, люди, а во втором это сделали некие стихийные силы (ветер, буря и нечто подобное). И.А.Мельчук считает целесообразным и необходимым введение лексемы $\emptyset_{\text{люди}}$ для обозначения субъекта первого предложения и лексемы $\emptyset_{\text{стихии}}$ для обозначения субъекта второго предложения, ибо означаемые названных нулевых лексем и их синтактика весьма специфичны [Мельчук 1974: 350-352].

Предложениями (1) *Он загремел в соседней комнате*, (2) *В соседней комнате загремели* и (3) *На крыше загремело* Ю.С.Степанов иллюстрирует градацию неопределенности референции. Категории неопределенной личности (предложение 2) и безличности (предложение 3) как два частных значения общей категории личности-безличности восходят к двум основным разновидностям индоевропейского предложения: первая – к личному предложению с субъектом-лицом, вторая – к личному предложению с субъектом-вещью. Обе категории основаны на одном и том же процессе устранения лица: в первой устраняется «личное» лицо и остается только один его признак – «личность» (одушевленность), во второй устраняется «оно» и остается только один его признак – «неодушевленность» [Степанов 2011: 90, 125].

Таким образом, в современном русском языке формы предложений со сказуемым-глаголом 3-го лица единственного числа выражают значение определенности/ неопределенности субъекта-предмета, а формы глагола 3-го лица множественного числа – значение определенности/ неопределенности субъекта-лица.

Закрепление неопределенно-личных предложений за формой 3-го лица множественного числа обусловлено ее особенностями в выражении значения неопределенного лица. Форма 3-го лица специализируется на выражении значения неопределенноличности, поскольку она относится к постороннему, устраненному из речевого акта, а значит, отчасти неопределенному лицу. Б.М.Гаспаров этот тип предложений предлагает называть отстраненно-личным, так как решающим признаком неопределенноличных предложений является отстраненность, возникающая на базе формы 3-го лица. Он пишет: «Форма третьего лица создает характерный эффект отстранения сообщаемого от акта сообщения и его участников – говорящего и слушающего» [Гаспаров 1971: 15].

В формах глагола прошедшего времени множественного числа значение неопределенности лица проявляется наиболее ярко, поскольку в прошедшем времени парадигма по категории лица отсутствует и лицо в этой форме нейтрализовано. Преобладание неопределенно-личных предложений со сказуемым-глаголом в форме прошедшего времени множественного числа объясняется неличным характером и ослабленной глагольностью этих форм.

Форма множественного числа глагола лишает субъект «расчлененного индивидуализированного впечатления <...> и позволяет включить в число

деятелей неопределенное множество людей» [Гаспаров 1971: 16-17; см. также: Химик 1990: 150-151; Борковский 1965: 37]. И.И.Резвин отмечал, что значение неопределенности является компонентом значения pluralis в славянских языках и это наглядно демонстрируется в неопределенно-личных предложениях [Резвин 1969]. Таким образом, форма множественного числа усиливает значение неопределенности субъекта неопределенно-личного предложения.

Намеренное удаление субъекта действия имеет целью выразить неопределенно-субъектное значение действия и сосредоточить основное внимание на действии (событии), которое «важно само по себе» [Ефанова 1967: 7]. В неопределенно-личных предложениях «действующее лицо остается в тени» [Бабайцева 1968: 34, 39], напр.: *И нынѣ съ святыми Ѡ чтуть его, святого и блаженаго Никыту* (КПП, 455); *Духъ Божий ношашеся върху воды, еже бо и нынѣ Ѡ крѣстяться Духъмь и водою* (ПВЛ, 132). В этом случае «понимание высказывания не предполагает отождествления субъекта с кем-либо из лиц, имеющих в поле зрения участников коммуникации» [Булыгина, Шмелев 1990: 111].

Таким образом, в личных предложениях средством выражения значения неопределенности действующего лица служит устранение вербально выраженного подлежащего, т.е. синтаксический нуль в позиции подлежащего. В ходе анализа неопределенно-личных предложений древнерусского языка мы попытаемся подтвердить положение А.А.Потебни о том, что отправной моделью исторического развития языка является двусоставное предложение [Потебня 1968: 317, 325].

Предложения со сказуемым-глаголом 3-го лица множественного числа образуют оппозицию по категории определенности/ неопределенности субъекта-лица:

Тои же зимѣ убиша новгородци Гаврилу Неревиница и Ваца Свиновица, свергоша с мосту (НЛМ, 228-229) – *Того же лѣта Ѡ убиша князя Игоря Олговича* (НЛМ, 214); *Азь бо есмь, княже, аки древо при пути. мнози бо посѣкають его и на огонь мечють* (МДЗ, 415) – *...бо Ѡ посѣкають его и на огонь мечють.*

2. Типы неопределенно-личных предложений в древнерусском языке

Обратимся к неопределенно-субъектным личным предложениям древнерусского языка, в структуре которых позицию подлежащего занимает нулевой знак и которые представляют собой особую структурную модель предложения.

2.1. Особенностью древнерусского языка является то, что неопределенно-личное значение субъекта может выражаться не только в предложениях со сказуемым-глаголом 3-го лица множественного числа, но и глаголом в форме 3-го лица единственного числа [Борковский 1949: 106-107; Историческая грамматика русского языка 1978: 219-220; Стеценко 1972: 76-77; Седельников 1990: 14 и др.], напр.: *Ѡ Пишетъ же и сие въ молитвѣ: «Помяни мя, господи, егда приидеши въ царствии си»* (КПП, 430-431); *...бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли, и вставше людие избиша*

епископы своя и бояре своя, яко же в Лѣтописи ѿ повѣдаеть (КПП, 473), ср. также разночтения в списках «Повести временных лет»: *И много пророчествоваша о немъ, еже и събысть ся въсе* (ПВЛ, 127) – *И мьного пророчествоваше о немъ...* (Лавр., Акад. списки ПВЛ).

В старорусский период (уже в XVI веке) неопределенно-личные предложения с глаголами 3-го лица единственного числа постепенно начинают уступать место неопределенно-личным предложениям со сказуемым-глаголом 3-го лица множественного числа, которые как раз и предназначены для выражения значения неопределенности лица. Предложения с глаголом единственного числа употреблялись в определенных контекстах (в памятниках юридической письменности), в произведениях других жанров они охватывали лишь ограниченное число лексико-семантических групп глаголов (обычно глаголы говорения *рече, повѣда*). Все это обусловило исчезновение неопределенно-личных предложений с глаголом-сказуемым единственного числа и все большее распространение предложений с глаголом множественного числа. Как считает В.И.Борковский, неопределенно-личные предложения с 3-м лицом единственного числа глагола-сказуемого «не оказались устойчивыми, не выдержав конкуренции» с широко распространенными неопределенно-личными предложениями с 3-м лицом множественного числа глагола-сказуемого и с предложениями с подлежащим *къто* [Историческая грамматика русского языка 1978: 220].

2.2. В предложениях *И присла князь Олександръ послы новгородцемъ, хотя бѣчи в Новгород, и ѿ не прияша его* (СС, 98); *И тако въ церковь Печерскую пресвятыя Богородица принесень бысть невидимо въ врѣмя, еда ѿ начаша кинаникъ пѣти* (КПП, 440) участники действия неопределены, однако они конкретизируются формами, обозначающими место действия, и представляют собой группу лиц, находящихся в названном месте. Как и само существование, всякое действие (если действие совершается, значит, оно существует) предполагает время и место.

В приведенных предложениях референт имени, названного обстоятельством, представляет собой место действия и косвенным образом конкретизирует участников события, не фиксируя, не выделяя то или иное лицо. Предложно-падежными формами определяется группа лиц, из которых неопределенное количество входит во множество субъектов названных действий (*не прияша, начаша кинаникъ пѣти*).

В предложно-падежной форме исследуемых неопределенно-личных предложений контаминирована локальная семантика «группа лиц, среди которых наличествует субъект действия»: *въ Новгородѣ и новгородцы*, ср.: *Ольгъ не бѣ въ Новгородѣ (въ Новгородѣ* имеет только локальное значение). Именно поэтому этот компонент в науке получил названия субъектно-обстоятельственный детерминант, форма с квазисубъектным статусом (Н.Ю.Шведова), локально-субъектный детерминирующий компонент (М.А.Евтеева), предложная фраза, которая «несет всю семантическую информацию о субъекте» [Ружичка 1988: 217].

Данная предложно-падежная форма имеет особое отношение к значению глагольного предиката. В ней можно видеть субъектно-объектную функцию, которая характеризует глагол «изнутри», выделяя предметы, непосредственно «замешанные» в обозначаемом им действии, в отличие от обстоятельственных функций, которые характеризуют глагол «извне», образуя «как бы фон для основного содержания действия» [Кацнельсон 2001: 43-44]. Анализируемые формы, уточняя субъект действия со стороны его локализации, характеризуют глагол и «изнутри» (как субъект) и «извне» (как обстоятельство).

Таким образом, совмещение в предложно-падежной форме локального и субъектного значений, ее способность характеризовать глагол «изнутри» позволяют признать эту форму не детерминантом, а особым локально-субъектным компонентом неопределенно-личного предложения.

2.3.1. Неопределенно-личные предложения, в которых нулевое подлежащее соотносится с неизвестными, неопределенными лицами. Такие предложения активно использовались в летописном повествовании при изложении событий, совершавшихся в определенном месте, напр.: *Въ се же лѣто отвьржесе архепископъ Иоанн Новагорода, и ѿ поставиша архепископа Нифонта, мужа свята и зѣло боящеся бога* (СС, 22); *В лѣто 6811. ѿ Отьяша посадничьство у Семена Климовича и даша брату его Андрѣю* (СС, 91). В этих предложениях употреблены глаголы конкретного физического действия: *поставиша*, *отьяша*, *даша* и др. Действия, выраженные этими глаголами, можно определить как социально-обобщенные.

Нулевое подлежащее выражает значение неопределенного лица, и в предложении внимание концентрируется на действии, ибо целью говорящего (пишущего) является сообщение о результатах действия (о сооружении, обновлении церкви, назначении кого-либо архиепископом, посадником). Глагольными формами аориста выражается результативное значение [Сабитова 2010: 256-257]. Сравнение двусоставных (*Въ то же лѣто заложихи церковь Благовѣщение Мѣстислав князь на Городищи* (СС, 19)) и неопределенно-личных (*Того же лѣта ѿ заложиха церковь камену святую Богородицу на Михалицѣх* (НЛМ, 375)) предложений с одним и тем же предикатом *заложити* отчетливо обнаруживает желание говорящего сфокусировать внимание на действии в неопределенно-личных предложениях.

В синонимичных неопределенно-личных предложениях с кратким страдательным причастием в роли сказуемого: *В лѣто 6862. ѿ Поставлена бысть церкви каменная въ святыя Богородица Знамение, на Ильини улицы* (НЛМ, 364); *В то же лѣто ѿ заложена бысть церкви княземъ Святополкомъ, в Киевѣх* (НЛМ, 203) подчеркивается как характер (результативность, завершенность) действия, так и его объект – *церкви*.

Исследователи старославянского языка отмечали, что при переводах с греческого переводчики более охотно пользовались действительными оборотами, чем страдательными. А.Вайан пишет: «Особенно часто (действительный оборот – З.С.) заменяет форму со страдательным значением

3 лицо множественного числа, которое обычно выражает неопределенный субъект: *оум(ь)рѣтъ... и погрѣся и*. Лука, XVI, 22 (вместо “он был похоронен” греческого оригинала); *не судите да не судяте вамъ*. Лука, VI, 37 (греч. “да не будете судимы”») [Вайан 2009: 386].

2.3.2. В другой группе предложений, в которых также акцентируется внимание на действии, нулевое подлежащее имеет референцию к неопределенной, не конкретизированной группе лиц. В них сообщается о событиях на войне, во время мятежа, поэтому субъектом действия в них являются отчасти определенные лица, известные уже своим участием в описываемых событиях: это участники сечи, войны, мятежа, напр.: *Вышату же ∅ яша съ извѣрженными на брегъ, и приведоша я Цьсарюграду, и слѣпиша Руси мьного* (ПВЛ, 196); *∅ Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы* (СоПИ, 383). В приведенных предложениях употребляются глаголы определенной лексико-семантической группы: *яша, приведоша, слѣпиша, бишася*, причем чаще всего в форме аориста с результирующим значением. Субъектом указанных глаголов являются участники брани, мятежа, обычно названные в тексте: греки (*Цьсарюграду*), Игорь, его брат Всеволод, половцы. Ср.: «Во многих случаях читатель может определить, что это за группа лиц, поскольку именно ее прерогативой является совершение данного действия» [Историческая грамматика русского языка 1978: 223].

Субъекты этих предложений не конкретизированы, не идентифицированы, поскольку для автора высказывания важным оказываются совершенные действия, результаты действий или объекты воздействия (раненый, схваченный в плен Вышата, войско Игоря и Всеволода).

2.3.3. Сосредоточенность говорящего на действии обнаруживается и в предложениях, нулевое подлежащее которых соотносится с лицами, известными для говорящего из ситуации, напр.: *И давши ему пити, и ∅ облекоша его въ власяницу, и абие здравъ бысть* (КПП, 447); *И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, и не можаше сѣдѣти на кони, и ∅ несяхуть и на носилѣхъ* (ПВЛ, 184).

Данные предложения имеют нулевое подлежащее, соотнесенное с неопределенной, не индивидуализированной группой лиц, причем известной говорящему, однако говорящий полагает, что нет необходимости конкретизировать субъект действия.

Следует подчеркнуть, что в рассмотренных неопределенно-личных предложениях в роли сказуемого предпочтительным оказывается употребление глаголов совершенного и несовершенного вида в конкретно-процессном значении [Русская грамматика 1982: 604-605], что вместе с другими аспектуально-темпоральными средствами создает обычную для ситуации объективной неопределенноличности временную локализованность события [Бондарко 2007: 42]. Именно темпоральная детерминированность, конкретность события в противоположность его повторяемости и абстрактности формируют условия для создания объективной анонимности субъекта-деятеля [Химик 1986: 49-50].

Неопределенно-личным предложениям данной группы синонимичны предложения с местоимениями *кто*, *нѣкто* и сочетаниями *не вѣси кто*, *невѣдомо кто*, *незнаемо кто*. Сравнение предложений с подлежащим-местоимением и неопределенно-личных предложений: (1) *Товаръ его нѣкто разграби*; *Товаръ его невѣдомо кто разграби*; (2) *Князь Юрьи самъ убѣжа въ Плесковъ, а товаръ его ∅ разграбиша* (НЛМ, 339) – позволяет заключить, что значение этих предложений неодинаково. Если в первом и втором предложениях для говорящего важно подчеркнуть, что действие совершает неизвестное лицо, которое не удалось установить, то в неопределенно-личном предложении внимание говорящего сосредоточено на действии, при этом идентифицировать субъекта-деятеля нет необходимости, что выражается нулевым знаком в позиции подлежащего.

Ср. также предложения: *Изо многихъ церкви никто не успѣ вынести ни иконъ, ни книгъ, такоже ни из домовъ – Изо многихъ церкви ∅ не успѣша вынести ни иконъ, ни книгъ, такоже из домовъ* (НЛМ, 351). В предложении с подлежащим *никто* сообщается о том, что ни один человек не успел ничего вынести из церкви, при этом важно подчеркнуть обобщенно-отрицательное значение субъекта действия. В неопределенно-личном же предложении внимание сосредоточено на самом действии. Это связано с тем, что «лексические выразители в силу их конкретной семантики могут обозначить только отдельные варианты неопределенности в зависимости от содержания данной лексемы: *кто-то* – ‘неизвестно какой человек’, *кто-нибудь* – ‘безразлично кто’» [Химик 1990: 150].

Функционирование неопределенных местоимений и сочетаний слов в роли подлежащего не изменяет структуры предложения. Модель предложения состоит из словесно выраженных подлежащего и сказуемого, как и модель любого другого двусоставного предложения, напр. с именем существительным в позиции подлежащего. Эти языковые единицы могут выступать и в роли дополнения или определения, не изменяя модели и значения всего предложения. Нулевой знак в позиции подлежащего (и только в этой позиции) придает всему предложению неопределенное значение.

Таким образом, синонимичные неопределенно-личные предложения и предложения с подлежащим *кто*, *нѣкто* и др., имея одно и то же денотативное содержание, различаются сигнификативным содержанием [Апресян 1967: 5-6] или разным языковым освещением события [Шмелева 1983].

2.4.1. Бóльшей определенностью обладает субъект действия в неопределенно-личных предложениях, входящих в прямую речь, напр.: «*Не ходи безъ оружья, ∅ осоромятъ тя*» (ПВЛ, 223); *И рече ему Варяжко: «Не ходи, къняже, ∅ убьютъ тя»* (ПВЛ, 94); *Аще не приидеши, ни оборонѣши насъ, да пакы ны ∅ возмут* (НЛМ, 119). В приведенных предложениях субъект действия известен автору прямой речи, а также слушающему. Однако эти предложения с нулевым подлежащим предназначены для выражения сосредоточенности внимания на сообщаемом факте, а не на его участниках: говорящему важно сообщить, что собеседника убьют, опозо-

рят (*осоромять*). Говорящий не считает необходимым называть действующих лиц, хотя они ему известны. Обращаясь к собеседнику с просьбой выполнить указанное действие (в первой предикативной части употреблены глаголы повелительного наклонения), автор речи предупреждает о действии известных им обоим лиц («те, о ком мы знаем, говорим, убьют, опозорят тебя») или сообщает о последствиях выполнения или невыполнения указанного действия (*возьмут ны*).

Субъект этих предложений удачно охарактеризован В.В.Химиком как относительно определенный, неопределенно-определенный [Химик 1990: 142]. Действительно, неопределенность лица выражается самой структурой предложения (нулевым подлежащим и формой множественного числа глагола), другие же факты (семантика предиката, общее содержание контекста) уточняют этот субъект как относительно определенный.

2.4.2. Еще более определенным является субъект неопределенно-личных предложений, сообщающих о ситуации, которую воспринимает (*видѣ, узърѣ, видѣвъ*) лицо (говорящий, герой повествования и др.), напр.: *А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечер Ѧ одѣвахуть мя, – рече, – чръною паполомоу на кровати тисовѣ; чръпахуть ми сини вино, съ трудомъ смѣшено: сынахуть ми тѣцими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ но лоно и нѣзуютъ мя* (СоПИ, 385); *И по строю божію бѣ блгый князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, что Ѧ творять ту* (ЖФП, 273). Субъект этих предложений является объективно определенным, однако его не называют в силу того, что существенным оказывается действие (*одѣвахуть, чръпахуть* и др.).

Так, в предложении *И сѣдящю ему, узърѣ Василко Търчина, остряца ножь, и разумѣ, яко Ѧ хотять и слѣпнати, и възъли къ Богу плачьмъ великъмъ и стенаниемъ* (ПВЛ, 304) Васильку Тербовольскому известно, кто его хочет убить (*Търчинъ, остряци ножь*), но субъект оставлен без обозначения, поскольку акцент делается на самом действии.

В подобных случаях находит выражение тот специфический для языка прием, когда «у говорящего является желание воспользоваться формальным значением как чистой формой, сознательно наложить определенный оттенок на неподходящее на него содержание» [Пешковский 2001: 208]. Формой здесь является нулевое подлежащее и глагольная форма множественного числа, а «подходящим содержанием» – конкретный субъект действия, известный говорящему или воспринимающему лицу.

В.В.Химик называет такую ситуацию ситуацией мнимой неопределенности, поскольку здесь действие определенных лиц представляется как действие неопределенных субъектов [Химик 1990: 143-147]. Не соответствие объективной определенности лица и формы ее выражения неопределенно-личным предложением обнаруживается особенно отчетливо в переводах отрывка из «Слова о полку Игореве» на современный русский язык: *На горах Киевских в ночь сию с вечера одевали вы меня черным*

покрывалом (перевод Н.А.Мещерского (СоПИ, 16)); *Этой ночью с вечера Ø одевали меня черным покрывалом...* (перевод Д.С.Лихачева (СоПИ, 402)).

Такая своеобразная интерпретация реального события отражает заинтересованность говорящего в выражении неизвестного субъекта, в результате создаются условия для частичного преодоления дистанции между субъектом речи и субъектами сообщаемого факта. Таким образом говорящий маскирует объективную определенность «интерпретирующей функцией» [Химик 1990: 146] основных средств выражения неопределенного лица: нулевым подлежащим и формой множественного числа предиката.

2.5.1. Референцией ко всем членам группы лиц обладает нулевое подлежащее в следующих предложениях: *А Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи Ø купляхуть по 10 гривень, а овса по 3 гривнѣ, а рѣпѣ възъ по 2 гривнѣ* (СС, 54); *нѣ лютѣ бяше путь, оже Ø купляху по ногатѣ хлѣбѣ* (СС, 21). Нулевое подлежащее соотносится со всеми лицами-участниками описываемого события. Употребление формы имперфекта служит описанию событий, относящихся к определенному периоду прошлого. В древнерусском языке имперфект, как известно, употреблялся в тех случаях, когда «на действии (состоянии, признаке), целиком отнесенном к прошлому, необходимо сосредоточиться как таковом, а не просто констатировать его совершение» [Горшкова, Хабургаев 1997: 301]. В анализируемых предложениях употребление имперфекта имеет целью изобразить действие как таковое, акцентируя на нем внимание, поскольку автору при описании бедствий важно сосредоточиться на их последствиях (дороговизне), которые затрагивают всех лиц.

2.5.2. При описании обычаев и уклада жизни определенной группы людей используются предложения с нулевым подлежащим, имеющим референцию ко всем членам этого коллектива, напр.: *не хожаше зять по невѣсту, нѣ привожаху вечерь, а заутра приношаху по неи, чьто въдадуче* (ПВЛ, 12); *сѣхожахуся на игрища, на плясания и на вься бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, съ неюже кѣто сѣвѣщавься, же по двѣѣ и по три жены* (ПВЛ, 13). Описываемые действия имеют отношения ко всем полянам и радимичам, субъект в них соотносится с известным множеством лиц (поляне, радимичи), однако он не индивидуализирован.

В таких предложениях употребительны глагольные формы настоящего и прошедшего (имперфекта) времени, в которых проявляется значение вневременности, повторяемости, ср.: «частичная потеря временной соотнесенности называемого действия способствует усилению личной определенности» [Ефанова 1967: 343]. В них формы настоящего и прошедшего времени глагола выражают повторяющееся, не локализованное во времени и безотносительное к конкретизированным участникам действие.

Таким образом, в древнерусском языке используются неопределенно-личные предложения – предложения с нулевым подлежащим, имеющим различную референцию: к неопределенному лицу или группе лиц, к отдельному известному лицу, по разным причинам не названному, к обоб-

щенно-определенному лицу или группе лиц. Неопределенно-личные предложения представляют собой группу древнерусских предложений, которые являются не только важнейшим способом передачи объективной неопределенно-личной ситуации, но и одним из средств субъективной интерпретации внеязыковых ситуаций говорящим – сосредоточенности его внимания на действии, но не на его производителе.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1967 – *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Бабайцева 1968 – *Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968.
- Бондарко 2007 – *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 5. М.: КомКнига, 2007.
- Борковский 1949 – *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
- Борковский 1965 – *Борковский В.И.* Неопределенно-личные предложения в древнерусских памятниках // Проблемы современной филологии. М.: Наука 1965.
- Булыгина, Шмелев 1990 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990.
- Вайан 2009 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Литературное наследие XX века, 2009.
- Гаспаров 1971 – *Гаспаров Б.М.* Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке // Ученые записки Тартуск. ун-та. Вып. 275. 1971.
- Гиро-Вебер 1984 – *Гиро-Вебер М.* Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. 1984. № 6.
- Горшкова, Хабургаев 1997 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Ефанова 1967 – *Ефанова Л.П.* Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в памятниках XVI-XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Золотова 1984 – *Золотова Г.А.* О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: МГУ, 1984.
- Историческая грамматика русского языка 1978 – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. / Под ред. В.И.Борковского. М.: Наука, 1978.
- Истрина 1923 – *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. Пг., 1923.
- Кацнельсон 2001 – *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М.: Языки славянской культуры, 2001.

- Мельчук 1974 – *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л.: Наука, 1974.
- Пешковский 2001 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Потебня 1968 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М.: Просвещение, 1968.
- Ревзин 1969 – *Ревзин И.И.* Так называемое немаркированное множественное число в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1969. № 3.
- Ружичка 1988 – *Ружичка Р.* Скрытый субъект и пустое подлежащее // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Русская грамматика 1982 – Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982.
- Сабитова 2010 – *Сабитова З.К.* Историческая грамматика русского языка. Алматы: Казак университеті, 2010.
- Седельников 1990 – *Седельников Е.А.* Определенность и неопределенность субъекта в простых предложениях древнерусского языка старшей поры // Исследования по истории и диалектологии русского языка. Алма-Ата, 1990.
- Степанов 2011 – *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М.: Лингвистическое наследие XX века, 2011.
- Стеценко 1972 – *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.
- Химик 1986 – *Химик В.В.* Неопределенно-личные предложения и персональные ситуации неопределенности // Предложение и его структура в языке (русский язык). М., 1986.
- Химик 1990 – *Химик В.В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
- Шмелева 1983 – *Шмелева Т.В.* Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т.П.Ломтева // Филологические науки. 1983. № 3.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

- ЖФП* – Житие Феодосия Печерского // Повести Древней Руси (XI-XII вв.). Л., 1983.
- КПП* – Киево-Печерский патерик // Повести Древней Руси (XI-XII вв.). Л., 1983.
- МДЗ* – Моление Даниила Заточника // Повести Древней Руси (XI-XII вв.). Л., 1983.
- НЛМ, СС* – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Наука, 1950.
- ПВЛ* – Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. Лаврентьевский, Московско-Академический список.
- СоПИ* – Слово о полку Игореве: Сборник. Вступ. статьи Д.С.Лихачева и Л.Д.Дмитриева. Л.: Сов. писатель, 1984.